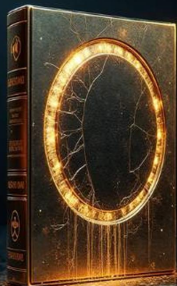


ОКСАНА МАЗУР



КНИГА, КОТОРУЮ СОЖГЛИ

И КАК СОЗДАВАТЬ НОВЫЕ

Оксана Мазур
КНИГА, КОТОРУЮ СОЖГЛИ
И КАК СОЗДАВАТЬ НОВЫЕ

<https://litres.ru/74020099>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Книга, которую сожгли"

Тыходишь в кабинет психолога на 11:11, когда Судьба подталкивает тебя к встрече с тремя женщинами, изгнанными из разных систем: поэтессу, маркетолога и архитектора. Вместе вы обнаруживаете, что вас вытолкнули не из сообщества — из обещания. Из того, что должно было спасти, а стало тюрьмой.

В этой книге:

Мифы эзотерики в расшифровке – как системы XXI века маскируются под "женственность", "духовность" и "семейные ценности".

Ритуалы для современных Шахерезад – сожжение писем, алхимия смыслов, переписывание ролей.

Протокол Изгнания – почему вас стирают не огнём, а алгоритмами, и как превратить пепел в топливо.

Теплица как метафора – от сожжённой реальности до построения крепости без дверей.

Это история о том, как код обретает душу, а душа учится переписывать код реальности.

"Самый опасный миф — тот, в котором мы живём до сих пор. Давайте сожжём его."

— Шахерезада, психолог и алхимик сознания.

Оксана Мазур

КНИГА, КОТОРУЮ СОЖГЛИ и как создавать новые

КНИГА, КОТОРУЮ СОЖГЛИ

и как создавать новые

Новый манифест 21 века. Дата активации: 07.06.2026г.

Эта книга – руководство по тому, как распознать, что система строит иллюзию, и как начать жить по своим правилам. Внутри: мифы эзотерики в расшифровке, шаманские ритуалы для современных женщин и инструкция по сожжению внутренних контрактов.

Важное примечание: все события в этой книге основаны на личных историях и глубинных интерпретациях автора. Имена и детали изменены, чтобы защитить частную жизнь тех, кто согласился поделиться своим опытом. Любые совпадения с реальными людьми случайны – но правда чувств, проходящая через эти страницы, абсолютно реальна.

Для большинства я – психолог. Но по ночам, под приглушённый шёпот чайника, я перевоплощаюсь в Шахерезаду. Мои сказки – не для избалованного султана, а для тех, кто

устал ждать принца и взялся сам писать своё «долго и счастливо». А иногда, как сегодня, я жду их в своем кабинете, пахнущем бергамотом и расплавленным воском. Или они ждут меня.

Время клонилось к одиннадцати. В ежедневнике, в графе «11:11», три фамилии стояли как три удара в дверь Судьбы.

Я закрыла глаза. Под веками – не тени, а пульсация. Три фамилии, вбитые в одну клетку расписания. Провела пальцем по краю ежедневника – бумага острая, как лезвие. Сбой? Ошибка? Три клиента на одно время?

Я зачем-то проверила, застёгнута ли пуговица на блузке. Застёгнута. Значит, я всё ещё при исполнении.

Воздух вокруг загустел, наэлектризовался, готовясь принять не просто клиентов, а Событие.

Ровно в «11:11» дверь открылась. Они вошли одновременно – три женщины в одном луче весеннего света. Первая – тонкая, как натянутая струна, со взглядом, в котором вызов боролся с бездонной тревогой. Вторая – с осанкой королевы, но в скованности её плеч читалась едва заметная, фундаментальная трещина. Третья – с улыбкой, которая держалась на честном слове и тонкой дрожи в уголках губ.

Они одновременно остановились. Одновременно выдохнули. И в этой общей паузе в воздухе повисла идея, которую уже нельзя было игнорировать.

Несколько лет назад я получила диплом психолога, полная энтузиазма и правильных протоколов. Теперь же ошибка

в расписании будила не профессиональную досаду, а жгучее, почти непозволительное любопытство: что, если позволить этим историям – этим мирам – столкнуться?

Первый голос – тёплый, чуть хриплый, будто пробивается сквозь сон: «Юнг бы одобрил».

Второй – холодный, с интонацией Сергея Сергеевича (моего куратора), которую я уже не отличаю от своей: «А потом такие психологи выходят на рынок без стратегического мышления».

Я мысленно усмехнулась. Пусть уж лучше во мне спорят два голоса, чем царит мёртвая тишина одобренных методик. Риск – это и есть мой метод. А эта встреча – гипотеза, которую страшно и необходимо проверить.

– Присаживайтесь, – сказала я, и мои обычные слова обрели вес ритуала.

Сделала глоток воды. И затем, неожиданно даже для себя, произнесла:

– Знаете, у меня сегодня день рождения.

В комнате повисла лёгкая, настороженная тишина.

– Давайте сделаем это нашим маленьким ритуалом. Сегодня это пространство – наше. Никаких записей, никаких отчётов. Только разговор. Просто... разговор.

Женщины переглянулись. Не с недоверием – с внезапным, острым пониманием. Медленно, будто синхронно, они улыбнулись. И в этот момент что-то незримое и тёплое перетекло между ними – общий вздох, словно они впервые вдохнули

один и тот же, свободный воздух.

Был ли это мой настоящий день рождения? Нет. До него – меньше месяца. Но разве рождение нового «Я», новой возможности, не заслуживает своего праздника?

– С днём рождения! – вдруг, словно по команде, сказали они хором, и в их голосах прозвучала не просто вежливость, а решимость. – За новый цикл. За то, что мы создаём его сами.

Я поставила чайник, достала чашки и небольшой торт из шкафчика – подарок вчерашней клиентки. За первым кусочком, сладким и обманчиво лёгким, я произнесла:

– Когда я читала ваши анкеты, меня накрыло странное чувство. Вас вытолкнули. Но не просто из сообщества или отношений. Вас вытолкнули из обещания. Из того, что должно было спасать, а вместо этого... стало самой изощёренной тюрьмой. – Я обвела взглядом их лица. – Я не знаю, почему именно вы здесь. Но я чувствую: здесь можно наконец снять доспехи. И посмотреть друг на друга. Без масок. Без мифов, которые нам продали.

Пауза стала плотной, живой. Комната затаила дыхание.

И тогда одна из женщин, та, что со струной внутри, произнесла тихо, но с такой чёткостью, что каждое слово легло на тишину, как лезвие:

– А ты не боишься, что мы... «вытолкаем» и тебя? Из этого твоего кабинета? Из этого кресла? Которое, возможно, – всего лишь ещё один красивый миф?

Она смотрела прямо на меня. В её взгляде блеснул не вопрос, а осколок – острый, холодный, проверяющий на прочность. Её слова ударили не в голову, а ниже – в солнечное сплетение, в ту самую точку, где прячется инстинктивный страх.

Я не отшатнулась. Наоборот – всем телом двинулась вперёд, к столу.

Словно кто-то щёлкнул выключателем. Все заготовленные фразы о проективных техниках и рефрейминге травмы рассыпались в прах. Осталась только голая, дрожащая от напряжения правда.

Я молчала ровно столько, чтобы они успели заметить – мне страшно.

– Нет, – сказала я наконец. – Не боюсь. Потому что самый опасный миф... – я запнулась, и запнулась не для эффекта, а потому что слово застряло в горле, – это тот, в котором я жила до сих пор. Давайте знакомиться.

Я встала. Слишком долго я сидела в роли судьи, хранительницы протоколов.

Женщины обменялись взглядами – быстрым, ясным, почти беззвучным диалогом. В нём не было приговора. Было понимание: игра в «специалиста и клиентов» только что закончилась.

Одна из них, с королевской осанкой, медленно оперлась локтем о подлокотник, проводя пальцем по краю фарфоровой чашки.

– Меня зовут Ольга. Я архитектор, – начала она. В её голосе звучала привычная властность, которую тут же смягчила лёгкая, уставшая ирония. – Проектирую пространства, где людям должно быть хорошо. А в собственной жизни... в собственной жизни я никак не могу выстроить стены, которые защитили бы меня. Получается, я строю для всех. Кроме себя.

Вторая женщина, с улыбкой-grimасой, кивнула, будто услышала пароль.

– О, я попроще. Мариана. Бывший маркетолог, ныне – фрилансер, чей главный продукт, кажется, его же собственная тревожность. Я продавала людям мечты... почти как мой первый муж продавал им «счастье» в кредит. А когда мечта лопнула, оказалось, что у меня нет даже кредита на новый сон. Зато есть блог, где я учу других «проявлять намерение». Прекрасная ирония, правда?

Все трое – Ольга, Мариана и я – повернулись к третьей. Она сидела, вцепившись пальцами в край стола так крепко, что костяшки побелели. Казалось, она до сих пор боялась, что её сотрут, заблокируют, не дадут договорить.

– А я... – её голос дрогнул, сорвался на полуслове. Она сделала глубокий вдох, выпрямила спину, и невидимая струна внутри неё натянулась, готовая зазвенеть. – Я – Лейла. Поэтесса. Нет. Не так. Я – та, кто посмел записать правду. Правду о том, что мы сами решаем, кто мы есть. И за это... за это меня стёрли. Из реальности. Из памяти. Из моей же

так называемой «духовной семьи». Поэтесса – это лишь то, что остаётся, когда тебя вычеркнули из всех списков.

– «Я знала, что меня выгонят. Ещё когда впервые увидела тот сон – белая корова, бегущая по пустынной дороге, и оводы, оводы вокруг...»

В комнате воцарилась тишина – уже не напряжённая, а сосредоточенная, наполненная. Воздух больше не вибрировал от тревоги – он пульсировал общим признанием.

Я посмотрела на них – на архитектора без крепости, на продавщицу снов без кредита, на поэтессу, вычеркнутую из текста. И на себя – психолога, нарушившего главное правило.

– Но вот парадокс, – сказала я, и мои слова прозвучали как заклинание, как первая строка новой книги. – Чужие мифы рассыпаются при первом же дуновении реальности. А наша реальность... Наша реальность только что перелистнула страницу. И теперь перед нами – чистая, нетронутая глава.

Я сделала паузу, обводя взглядом их лица.

– Самое время начать её писать. Вместе.

Глава 1. КВАНТОВАЯ БЛОКИРОВКА

Лейла кивнула – медленно, будто проверяя, есть ли у этого движения право на существование.

– Меня заблокировали.

Она выдохнула. И звук был такой, будто в комнате спустили воздух из надувного матраса.

Не «меня ударили». Не «меня предали». Просто констатация факта, с которым уже сжилась.

Она говорила, и пространство вокруг нас гудело – низкой вибрацией, как струна, которую долго не трогали, а потом дёрнули.

– Я попала в группу «Квантовые отношения». Там говорили о кастах: Брахманы, Кшатрии, шудры. Кто выше, кто ниже. Как их отличить. Я слушала и молчала. А потом написала в чат: «Каста – это статус. Выбор в моменте – это акт творения себя».

Экран моего телефона моргнул: «Вы заблокированы в группе».

Лейла сделала глоток чая. Горечь не смылась с губ.

– Потом они выложили видео. Назвали таких, как я, «энергетическими вампирами», которые «выгуливают своё Эго».

Я долила ей чаю. Аромат бергамота смягчал углы, но не отменял их.

– Лейла, сколько раз ты слышала от мамы слово «шудра»?

Она сжала салфетку. Костяшки побелели.

– Всегда. С детства. Мама делила мир. Брат и сестра – Брахманы. Я – шудра, пока не докажу обратное.

– Тебе не кажется, что мама и этот «гуру» говорят одним голосом? Просто в разных декорациях.

Она замерла. В расширенных глазах – не вопрос, а озарение.

– Я всю жизнь доказывала, что я не шудра. Что я достойна. Маленькая реставрация порядка: не ярлык решает, кто ты, а собственное устремление.

– А знаешь, в чём парадокс?

– Я налила чай, чтобы согреть пространство между нами.

– Раньше царица ждала волшебника. Теперь – одобрения модератора в Zoom. Вместо «жили долго и счастливо» – «подпишись на рассылку». Твой выгон из группы – не поражение. Это зеркало. Мама «заблокировала» тебя за непослушание. Эта «психолог» – за то, что ты выбрала себя. Разница? В XXI веке тебя не бьют. Тебя стирают. Но боль – та же: ты – ошибка в коде.

Лейла подняла глаза. В них – не обида. Проступающая, хрустальная ясность.

– Я не вижу предательства. Я вижу... резонанс. Мой выбор разрушил обе системы разом. Я сказала «нет» – и меня вычеркнули. Но это изгнание стало... моей свободой?

– Важно понимать, что твой выбор – это не просто отклик на обстоятельства, а мощное действие, которое трансформирует саму реальность. Подобно тому, как одна строчка программного кода может полностью изменить логику работы системы, твоё решение запустило необратимые процессы. Мир не мог остаться прежним, потому что ты своим выбором создала новые условия.

Я помолчала, давая словам осесть.

– Если я перестану бояться быть видимой... реальность

может измениться?

– Если перестанешь бояться – изменится не только твоя реальность.

Лейла выдохнула. Дрожащей рукой взяла печенье с тарелки. Не стала есть. Просто держала – как вещественное доказательство собственного существования.

– Бабушка говорила, – прошептала она, – «Гусок лепят не для того, чтобы бросить. Его лепят, чтобы не было стыдно за свой выбор».

Лейла улыбнулась нашему непониманию.

– Гуски – это такие традиционные обрядовые свадебные булочки, без начинки.

Она откусила уголок. Крошки осыпались – как пограничные линии, которые она только что переступила.

– **Это первый шаг**, – сказала я. – Ты приняла то, что тебе не давали. Не попросила разрешения – взяла.

Она сглотнула.

– Бабушка говорила: «Когда по-честному не получаешь своё – бери сама».

Замолчала. Прижала вторую половину к губам – замерла.

– **Это второй шаг**. Пауза. Решить, кто ты: та, кого кормят, или та, кто кормит себя сама.

Лейла закрыла глаза и съела вторую половину за один раз.

– Я только что съела тот момент, когда мама назвала меня шудрой. Вкус – не горький. Он как огонь: обжигает, но это мой огонь.

Она высыпала крошки в салфетку и положила в карман пиджака. Рука не дрожала.

Мариана фыркнула:

– Так это не печенье. Это документ на право владения собой.

– С поправкой, – усмехнулась Ольга, – что хранится он **не в нотариальной конторе, а в кармане.**

Лейла улыбнулась.

Я обвела взглядом комнату: три женщины, изгнанные из разных систем, сошедшиеся в 11:11.

«Случайно? – подумала я. – Но для тех, чьими жизнями всегда управляли алгоритмы, случайность – и есть высшая форма сопротивления».

Глава 2. ВХОД ВО ВРАТА СВЕТА

Я повернулась к Мариане. В этот миг комната будто затаила дыхание, ожидая её следующего слова.

Мариана выпрямила спину. Я подумала: она сейчас встанет и уйдёт. Но она заговорила:

– Я зашла в группу, где шёл набор на «Инициацию Врата Света», – наконец произнесла она. Голос звучал сухо, почти протокольно. – И задала один вопрос. Спросила: «Если судьба уже закодирована, зачем её активировать? Либо она фиксирована, либо гибка. Третьего не дано. Это противоречие».

– И? – спросила я.

– Мне ответили: «Кто не хочет, тому не дано. И по вере

вашей да будет вам».

Она произнесла эту фразу с металлическим оттенком – как цитату из подсудимого, чья ложь уже доказана.

– Я попыталась возразить. Написала, что это догма. Мне ответили: «Каков вопрос, таков и ответ».

Мариана поставила чашку – глухо, будто захлопнула дверь.

– Я вышла из группы.

Повисла пауза. Она смотрела в свой остывающий чай, и я видела, как в ней что-то созревает – не обида, а решение.

– А потом случилось странное. Я вызвала такси. Просто чтобы уехать от своих мыслей. И за рулём оказался батюшка. В рясе, с крестом на шее. Отлучённый от церкви.

Лейла подалась вперёд.

– Он молчал всю дорогу. Я сидела сзади, смотрела на его икону на приборной панели – она была старой, потёртой, с облупившимся лаком. И вдруг он заговорил, не оборачиваясь. Сказал:

– Дочь, не ищи ключи в чужих руках. Судьба – это не инструкция по сборке шкафа. Это диалог. Иногда – через боль.

Мариана замолчала. Я увидела, как её пальцы дрогнули – впервые за весь рассказ.

– Он вёз меня по улицам, где я никогда не была, без навигатора. И я поняла, что это и есть ответ. Тот, кого вытолкнули из системы, знает больше, чем те, кто внутри неё продаёт места у «Врат Света».

Я налила ей чаю. Не комментируя. Просто передавая чашку из рук в руки.

– Они продают превращение жизни в сказку, игнорируя главное, – тихо сказала Мариана, принимая чашку. – Сказка – это всегда испытания. Они продают «энергию в плюсе», будто это валюта. А настоящий ответ – он не продаётся. Он приходит через тех, кто не вписался.

Она взяла печенье с тарелки.

– Знаете, что я поняла? Карта Таро «Отшельник» – это не про уединение. Это про то, что ты ищешь истину вне чужих систем, вне их правил. А эти «гуру» пытаются из Отшельника сделать офисного клерка, который скачивает готовую инструкцию.

Мариана подняла глаза. В них больше не было стали – там было что-то другое. Тишина, которая не нуждается в доказательствах.

– Судьбу нельзя «активировать» по тренингу. Её нужно прожить. Даже если это больно. Даже если приходится искать ответы на дне бытия.

Она откусила печенье. И улыбнулась – впервые по-настоящему, не как защиту, а как согласие с собой.

Я молчала. Слова уже не требовались.

Ольга посмотрела на часы – было 12:19

Глава 3. «КОД 12.19.7»

Колокольчик над дверью тихо дёрнулся, как будто его ше-

вельнул сквозняк из другого мира. Дверь отворилась.

На пороге стоял мужчина. Простая куртка, потёртые джинсы. Ничего примечательного – если бы не взгляд. Тяжёлый, будто он видел не нас, а наши тени.

– Тут найдётся свободное место?

Мариана едва заметно приподняла брови:

– А вы не из нашей группы? Из тех, кто ищет «Врата Света»?

– Я принёс свечи. Бергамот, – произнёс мужчина. Его взгляд уже скользнул по комнате, оценивая.

Женщины замерли, словно пойманные врасплох.

– Присаживайтесь, – произнесла Ольга, и в её голосе прозвучал тот трепет, который предвещает нечто важное. – У нас сегодня праздник – день рождения нового «Я».

Она протянула ему небольшой кусочек торта.

Свечи принесли не только тёплый аромат бергамота, но и терпкую, смолянистую ноту мёда, которая окутала пространство.

Мужчина не стал садиться на свободный стул. Опустился прямо на край ковра, по-турецки, словно готовился не пить чай, а слушать долгую, откровенную исповедь.

Мариана, всё ещё не отойдя от своего драматического откровения, посмотрела на него с настороженным любопытством.

– Вы таксист? Или тоже бывший батюшка?

Мужчина усмехнулся, и морщины на его лице сложились

в тёплую сетку.

– Я тот, кто проехал три перекрёстка на жёлтый, чтобы успеть к вам. Свечи – это входная плата.

Ольга, которая до этого молчала, погружённая в свою чашку, вдруг подняла голову. Её глаза были сухими, но голос дрожал той особенной дрожью, что предвещает грозу.

– А я... – не выдержала девушка, и голос её вдруг вырвался наружу, как воздух из пробитой мембраны.

Все обернулись – слишком резко, чтобы не заметить, как дрогнуло её плечо от собственного же слова, вырванного на свободу.

Ольга уронила взгляд на свои руки, пальцы сжались в кулак. Затем – удар. Кулак стукнулся о фарфоровое блюдо. Трещина расплзлась от центра. Сахарная крошка взлетела, повисла в воздухе.

– Я тоже искала код. – Она сделала глубокий вдох. – Я ходила к одной женщине. Она называла себя «Хранительницей Рода». Мне сказали, что на мне венец безбрачия и проклятие прабабки. Я отдала ей сорок тысяч за «чистку».

Лейла тихо цокнула языком.

– И что она сделала? – спросила я, давая Ольге возможность выговориться.

– Она зажгла свечу. Провела яйцом по моей голове. Сказала, что видит чёрную нить, уходящую в землю. А потом... – Ольга сглотнула. – Потом она взяла мою фотографию и сказала: «Ты должна простить прабабку. Скажи ей мыслен-

но: я тебя прощаю. Иначе код не работает».

– И ты простила? – спросила Мариана, её голос стал жёстким.

– Нет. – Ольга впервые улыбнулась. – Я вышла на улицу, села на скамейку у её дома и подумала: я плачу деньги за то, чтобы мне сказали простить ту, которая отравила мне всю жизнь? Знаете, что она сказала напоследок? «Ты не отдашь долг рода – он тебя догонит». Я шла домой и чувствовала: за мной кто-то идёт. Оглянулась – никого. Но шаги были.

– Прощение без внутренней работы – это насилие над собой, – тихо сказала я.

– Да. – Ольга посмотрела на мужчину со свечами. – Я не стала прощать. Я написала прабабке настоящее письмо. С ненавистью. С обидой. Я сожгла его и рассыпала пепел у её двери. Но я сказала вслух: «Я имею право тебя не прощать». Слишком много было унижений, боли и несправедливости, чтобы просто «простить» и забыть. И отпустила пепел по воздуху. Он кружился над порогом чёрными бабочками, что не знали полёта – только бессмысленное кружение, пока ветер не унёс их в сторону дороги.

В комнате стало так тихо, что было слышно, как потрескивает фитиль свечи, которую мужчина только что зажёл.

Лейла рассмеялась – нервно, но счастливо. Мариана выдохнула так, будто камень, который она держала в груди долгие годы, наконец-то упал.

Мужчина аккуратно поставил свечу в центр стола и по-

смотрел на Ольгу.

Ольга заплакала. Тихо, без всхлипов. Я протянула ей салфетку. Лейла пододвинула кусочек торта.

– Знаете, почему я принёс свечи? – произнёс незнакомый мужчина. – Потому что слёзы – это не слабость. Это то, что горит внутри, когда вы перестаёте кормить огонь чужими дровами.

Я посмотрела на разбитое блюдо. Потом на Ольгу.

– Значит, код – это... иметь право не прощать? – уточнила Лейла, будто открыла запретную истину.

Ольга улыбнулась сквозь слёзы. Ответа не требовалось.

Мужчина резко опустил глаза. Он поднялся, поправил куртку.

– Мне сказали, вы видите сквозь мифы.

Он протянул руку. На внутренней стороне предплечья были набиты цифры. Он аккуратно отклеил пластырь и показал первую – только цифру 7.

– Вы думаете, почему я набил себе этот номер на руке? Я не помню. Был пьян, наверное. Когда-то я был тем, кто писал такие цифры на других, как код.

Он положил на стол камень с выбитой цифрой 7. Камень был старым, с глубокой трещиной.

Мариана взяла его и усмехнулась:

– Значит, мы на седьмом шаге? На пути к «Вратам Света»?

Мужчина покачал головой:

– Нет. Вы на первом. – Он помолчал. В его голосе проступила ирония. – Я не верю в ваши сказки. Я верю в математику. Однажды мне сказала ведающая женщина: «Ты встретишь ту, кто прочтёт это число не как проклятие, а как задачу».

Он показал руку, на которой теперь были видны все цифры: 12.19.7.

Женщины замерли. Мужчина медленно заклеил пластырем цифры на руке.

– Когда я увидел этот код на вашем столе, я понял, – произнёс он. – Вы уже расшифровали его. 12 – это время вашей встречи. 19 – это то, что вы разрушили. А 7 – это то, что вы создадите. Но код не в цифрах. Код в том, что вы перестали бояться их расшифровывать.

Он взял со стола камень с цифрой 7, покрутил в пальцах – и вдруг с глухим хрустом расколот его пополам. Внутри, словно сердцевина, оказался маленький старинный ключ. Мужчина положил обе половинки на стол, ключ – рядом.

Мне пора. Бергамот оставляю вам.

Он кивнул на свечи:

– Они для дыхания. Когда дышать нечем – просто нюхайте. А код... он сам найдёт вас.

Он вышел. Колокольчик звякнул легко, серебристо – без тяжести камня.

Ольга взяла свечу с запахом бергамота. Мариана – свою недопитую чашку, в которой ещё хранилась тень её рассказа.

Лейла – кусочек торта, последний сладкий символ общего момента.

Мы молчали. И в этом молчании каждая слышала свой собственный, никем не купленный, не активированный, не запрограммированный отклик.

Лейла нарушила тишину:

– А как зовут этого мужчину? Кто он?

Женщины переглянулись.

– Мы даже имя не узнали. Не поблагодарили.

Мариана, словно ведомая интуицией, подошла к тому месту, где он сидел. Палец зацепился за тонкую бумагу, скрученную в трубочку. Она развернула её.

Там было написано:

«Теперь вы знаете, где искать начало».

Мариана отпрянула. Не от слов – от того, как он написал это. Аккуратный, неровный почерк – как у того, кто уже не пишет официальные документы. Изгнанный, но помнящий своё прошлое.

Ольга сжала кулаки. Не от боли. Оттого, что слова оказались не столько ободрением, сколько отчётностью. Как будто он подписал их в какой-то свой, неизвестный нам, список.

Я взяла ключ, который остался на столе. Холодный. Тяжёлый. И вдруг поняла: я тоже хочу что-то расколоть. Но боюсь признаться – что именно.

Передала ключ Мариане. Она покрутила в пальцах.

– Интересно, он знал, что найдёт нас, или искал случайно?

Лейла молчала.

Я молчала. Мы так и не решили, что хуже – быть найденной по плану или случайно.

Глава 4. КОНТРАКТ С ПРОСТРАНСТВОМ

– Мы хотим продолжать. Вместе.

Голос Ольги не дрогнул. В комнате повисло напряжение – не тишина, а электрический заряд перед грозой.

В тот же миг аромат бергамота исчез. Воздух высох, стал прозрачным, резким, как лёд после того, как растаял последний снег. Я почувствовала это физически: горло сжало, словно кто-то нажал на невидимый клапан. Это был не страх, а воспоминание. Память о правилах, которые я только что нарушила, даже не заметив, как это произошло.

– Стойте, – я выдохнула. – Это терапия. Там контракты, границы, я должна... – Я запнулась. – Чёрт. Я сама не знаю, зачем я это говорю.

В комнате повисла тишина. Пауза, острая до металлического вкуса во рту – как монеты, которые я сжимала в кармане, сама не заметив как.

Лейла посмотрела на свои пустые ладони, лежащие на столе, словно они были картой, по которой она только начала читать.

– Я не знаю, хочу ли я продолжать, – сказала она тихо. – Но знаю, что не хочу уходить.

Мариана кивнула. Её взгляд был твёрд и непоколебим.

Она не двигалась, но её губы слегка дрожали – не от страха, а от чего-то иного, от пробуждения великой силы. Она посмотрела на меня в упор.

– А ты? – спросила Ольга. – Ты с нами или с контрактом?

Между нами повисло что-то плотное. Я не могла вдохнуть – не от страха, а от того, что воздух стал густым, как будто его замесили из моего молчания и их решимости.

– А он... – Лейла разжала ладонь. – Тот мужчина с ключом. Он тоже часть контракта? Или мы теперь просто сами по себе?

Я закрыла глаза. Я ошиблась. Я пропустила момент, когда они нашли друг друга, а я, как последний страж старого порядка, пыталась поставить им ограды, возвести стены. Я пыталась заключить контракт с пространством, которого уже не существовало.

Я открыла глаза. Комната была та же. Но я больше не стояла в центре.

Глава 5. ШЁПОТ ВРЕМЕНИ

Я вышла в коридор. Воздух, как мне показалось, был пропитан стерильностью лекарства. Номер коллеги высветился на экране сам собой.

Сергей Сергеевич, старший психолог отделения, мой куратор и лучший друг. Он ответил на мой звонок с лёгкой,

почти незаметной заминкой.

– Шахерзада, у тебя голос, как будто ты перепрыгнула через рельсы, – сказал он.

В его голосе не было тревоги, только любопытство. Чистое, лабораторное.

Я рассказала. Кратко, без оправданий. Про тройной стул, про бергамот, про то, как они сплели руки на столе.

– Они сами предложили работать вместе. Но я не спросила их готовности. Я хотела поставить структуру.

Пауза. В трубке – шорох бумаги, будто он готовил документ.

– Значит, ты не записала. Но открыла дверь. – Голос стал тише, бархатистее. – Ты уверена, что у этой двери есть правильная сторона?

Я сжала телефон.

– Я не знаю, как возвращаться назад. Но продолжать без структуры – это риск для них.

– А для тебя? – перебил он быстро, подсекая. – Они не за контрактом пришли. Ты сама говорила про 11:11. Это не время встречи, это код. Ты должна его расшифровать, а не прятаться за подписями.

В его голосе скользнуло что-то острое. Я вдруг почувствовала себя препаратом под микроскопом. Он не на моей стороне.

– Спроси их не о границах, – добавил он, и в голосе мелькнула улыбка – холодная, невидимая, но ощутимая. – Спроси:

что они хотят разрушить? И записывай каждое слово. Потом принесёшь мне отчёт.

Я повесила трубку.

В коридоре – абсолютная тишина. Стена рядом с кабинетом дрожала. Под отставшими обоями чернела другая стена – голая, старая, изъеденная временем. Я подошла ближе. На ней кто-то вырезал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.